

КУЛЬТ ГОРЫ ХОРМУСТА В БУРЯТИИ

Хормуста, Хурмаста (от согдийского – Хурмазта) – верховное божество в религиозно-мифологической традиции монгольских народов. Его образ нашел широкое отражение и в фольклоре, особенно в эпосе “Гэсэр”, где он фигурирует в качестве небесного отца эпического героя. Но малоизвестна еще одна грань образа Хормусты, сопряженная с культом священных гор. Она отмечена нами в Закаменском и Селенгинском р-нах Бурятии.

В первом из них прослеживается удивительная распространенность имени Хормусты в качестве названия многих почитаемых гор в местностях Саган Морин, Далахай, Утата, Хужир, Сахир, Бортой и во многих других уголках этого горного края. Среди них особенно выделяется расположенная на западной стороне Санагинской долины вершина. *Баруун уула*, то есть “Западная гора”, имеющая также сакральный ороним – *Хормуста* (в бурятском произношении *Хурмаста*). По всей вероятности, есть определенная символическая связь между месторасположением горы (*баруун* – западная) и ее названием Хормуста, ибо это теоним божества, который в “Гэсэре” и бурятской мифологии означает западную часть Верхнего мира; является главой западных пятидесяти пяти светлых небесных божеств *тэнгри*, покровительствующих людям.

Хормуста был особенно почитаем бурятами, основной формой хозяйствования которых было животноводство. Согласно древнебурятской мифологии, Хормуста “управлял” дождями, необходимыми для хорошего травостоя, упитанности скота и его приплода (*Манжигеев* 1978: 84). Существует специальный обряд *тахилга*, посвященный горе, который сопровождается жертвоприношением белой овцой. Он проводится обычно в теплое время года – в конце мая или начале июня. Примечательно, что при совершении обряда женщинам запрещается подниматься на вершину горы, чтобы не вызвать удар грома (*аянгын буудал*) или наводнение. Во время обряда люди в первую очередь испрашивают ниспослания дождя и исполнения добрых помыслов и желаний. По завершении обряда обязательно устраивалось *эрын гурбан наадан* – состязание по национальной борьбе, стрельбе из лука и конные скачки. Праздник приобретал форму народного гуляния, люди отдыхали и веселились. Это считалось угодным Небу в лице Хормусты. Как небесное божество-покровитель людей он радовался при виде этого праздника (*улад зоной найрлахада, орон тэнгэри баясадаг*) (ПМА 1).

Думается, народное воображение не случайно связало самую высокую западную гору с образом Хормусты. Санагинцы считают, что вершина горы служит местопребыванием этого божества, так как Хормуста – это спустившийся с неба тэнгри (*буумал тэнгри*). По всей видимости, такое представление связано с культом гор, издревле присущим тюрко-монгольским народам. Приведем, к примеру, названия некоторых почитаемых в Центральной Азии и Южной Сибири горных вершин: Хантэнгри (“Царственный тэнгри”) в Центральном Тянь-Шане, Отгон-тэнгри (“Младший тэнгри”) в монгольском Хангае, Тигир тайаан таг (“Гора небесного жертвоприношения”) в Западных Саянах (Хакасия). В.Л. Серошевский приводит в своей монографии “Якуты” выразительную иллюстрацию, поясняющую олицетворение верховного бога якутской мифологии Улу-тоёна в природном объекте, посвященном его имени. Эта высокая скала, расположенная в горах Верхоянского улуса, отвесно

падает в реку, оцетинившись темным лиственничным лесом. «Таким должен казаться людям, – пишет автор, – этот Улу-тоён, про которого поют в заклинаниях “Господин мощнейший из мощных!...”» (Серошевский 1993: 632). Не случайно у монголов существовала традиция добавлять к названиям гор эпитеты, возвеличивающие их и выражающие уважительно-почтительное отношение к ним: например, *богдо* – “священный”, *баян* – богатый, *алтан* – “золотой” и т.п. Культ гор проявлялся в маркировке и моделировании этнотерриториального пространства, в котором горам отводилась роль особо сакрализованных географических ориентиров (Жуковская 2000: 24–25).

Популярности среди кочевников Хормусты – верховного божества общемонгольского масштаба – в определенной степени способствовал его фольклорно-мифологический образ, нашедший наиболее полное воплощение в прологе бурятской Гэсэриады. Роль Гэсэра – самого почитаемого эпического героя Центральной Азии – могучего воителя, утверждающего добро и справедливость в мире людей, усиливалась известностью его божественного родителя Хормусты – предводителя западных добрых богов. Он оказывал покровительство Гэсэру, и, стало быть, всем земным людям.

В горах Закамны Хормуста – покровитель семейно-родовых и территориальных групп населения; кроме того его культ сопрягается с культом гор: его именуют *буу-мал тэнгри* (“спустившееся с неба божество”). Подобная форма почитания Хормусты и локальные многочисленные примеры привязанности его имени к сакральной топографии позволяют предположить, что подобная распространенность данного оронима в определенной степени связана с широким бытованием Гэсэриады в прошлом среди закаменских бурят. Считается, что эпос имеет божественное происхождение, и его исполнение в прежние времена носило, по всей вероятности, культовый характер.

В бурятской эпической традиции божества нередко спускаются на землю, а их местопребыванием во многих случаях становятся горные вершины. Так, в одном из вариантов Гэсэриады Хормуста спускается с неба на вершину горы Сэгтэ Сумбэр-уула, которая часто фигурирует в тункинских, аларо-унгинских и окинских вариантах эпоса.

Взаимосвязь эпического сюжета с местным ландшафтом довольно часто встречается в тункинских и окинских вариантах “Гэсэра”. Во многих легендах этого цикла действия эпических героев происходят в конкретных географических точках на территории этнической Бурятии, например, в горной Оке, где существует культ горы Хан-ула (“Царь-гора”), на вершине которой хранится, согласно старинному преданию, меч Гэсэра. Примечательно, что тункинская версия Гэсэриады (вариант, записанный у сказителя М. Алсыева) завершается главой, повествующей об окаменении Гэсэра и его баторов на вершинах Саянских гор. То же самое мы видим и в варианте аларского сказителя Б. Зурбанова, который так и называется “Сказание о превращении Абай Гэсэр Богдо хана и его 33 баторов в каменные изваяния на вершинах 99 западных гор Мундарга (Саян)”. Так как Гэсэр и его баторы – сыновья небожителей, их окаменение свидетельствует о контаминации культа гор с почитанием небесных божеств. В бурятской мифологии прослеживаются широкие и выразительные параллели вышеприведенному сюжету. В ней представлена чрезвычайно развитая номенклатура сыновей небесных божеств – *хатов*, местопребывание которых связано с вершинами гор или другими природными объектами сакрального характера. Например, Хан Шаргай-нойон, чья “резиденция” находится на одной из саянских вершин, считается сыном верховного божества Хормусты (или Эсэгэ Малан тэнгри), спустившимся на землю, чтобы защитить людей от зла и несправедливости. По филиальной и функциональной характеристикам он тождественен Гэсэру, что позволяет считать Хормусту предшественником эпического героя (Неклюдов 1984: 210).

Интересным примером адаптации мифологического сюжета к особенностям местного ландшафта может служить культ обо Буха-нойона (“Бык-господин”) – то-темного первопредка западных бурят, перенесенный из Тунки и впоследствии распространившийся почти по всей Закамне в качестве одного из основных шаманских культов (Уржанов 1970: 129). В Санагинской долине, напротив горы Хормусты, расположена сравнительно невысокая гора, своей конфигурацией напоминающая лежащего быка. Это – Буха-нойон – культовая святыня, которой поклоняются местные жители, испрашивая приумножения скота. Старожилы рассказывают легенду о том, как Буха-нойон в образе быка бился здесь с Пестрым быком (*Тарлан эрэн буха*) и окаменел. Данная легенда принадлежит к широко известному мифологическому сюжету о борьбе двух мифических быков, один из которых превратился в “Бычьую гору” (Буха-нойон) у склона тункинских гольцов.

Тематически сходный сюжет встречается в качестве самостоятельного в тункинском варианте Гэсэриады, включавшем повествование о поединке на небе двух баторов-кузнецов Бухэ Тээли и Бухэ Муяа, представляющих соответственно западных и восточных небожителей. Свое противоборство они продолжают, спустившись на землю и приняв образы двух быков – Буха-нойона и Таежного пестрого быка (*Тайгын тарлай эрэн буха*) (Лыгденов 1995: 15). Вероятно, эпический вариант о битве двух быков существовал и у закамских бурят, чья этническая общность с тункинцами обусловила наличие у них во многих отношениях общего аксиологического фонда, включая мифологию и фольклор. Возвращаясь к теме Хормусты как *буумал тэнгри* и владыки Западной горы, нельзя не отметить ее семантико-типологическую близость к сюжету о Буха-нойоне и в других вариантах бурятской Гэсэриады.

Таким образом, в контексте небесной мифологии, нашедшей отражение в Гэсэриаде, и в древних культовых представлениях бурят, связанных с почитанием и сакрализацией природных объектов, ипостась верховного божества западных божеств как *буумал тэнгри*, наглядно проявившаяся в закамских горах, носит неслучайный характер и свидетельствует о взаимосвязи религиозно-мифологической и эпической традиций под знаком Хормусты.

Культ горы Хормуста в Закамне подвергся определенному влиянию буддизма. Как отмечает Г.Р. Галданова, этот горный край, соседствуя на юге с буддистской Монголией, а на востоке с принявшими буддизм частями Бурятии (Селенгинский, Джидинский районы), оказался благоприятным регионом для распространения и развития нового вероучения. Начиная с XIX в. происходила постепенная адаптация прежних шаманистских культов, существовавших в Закамне, к новым условиям, при которых традиционная обрядность приобретала “буддийскую” окраску (Галданова 1992: 142–143). Так, если ранее обряд, посвященный Хормусте – *буумал тэнгри* и “хозяину” одноименной горы, проводился в форме родового жертвоприношения *тайлгана*, которым руководил *хадаши* (знаток мифологии, связанной с культом гор), то позже данный обряд, под названием *тахилга*, стали проводить ламы.

Моему информатору Р.Д. Зундуеву впервые довелось присутствовать на обряде *тахилга* в начале 1930-х годов, когда ему было всего семь лет, но детская память цепко сохранила все увиденное. По его словам, на вершине горы Хормуста был построен деревянный *бунхан* – маленький домик типа часовни, где помещалось изображение Хормусты, напоминавшее изображение буддийского божества Губилха¹. Во время совершения обряда перед этим бунханом на специальных *олбоках*-подстилках восседали ламы в красно-оранжевых одеяниях. Поодаль от них тесным полукругом располагались верующие. В числе подношений были: *саламат* (сливки, прожаренные с мукой), масло, молочные пенки, *хурут* (спрессованный творог), *та-раг* (простокваша), одним словом, белая пища – *сагаан эдээн*. Обрядовые тексты (*солчиты*), в том числе и “Намдаг сан”, посвященный божествам-покровителям дан-

ной местности (*орон тэнгэрийн эзэд*) ламы читали на тибетском языке. Молебен длился в течение нескольких часов (ПМА 2).

Примечательно, что Хормуста – владыка (Хан нойон) западной горы представлял перед закаменцами в качестве участника буддийской мистерии *цам*, проводимой в Санагинском дацане – крупнейшем ламаистском монастыре в юго-западной части Бурятии. Согласно описанию Г.-Д. Нацова, он появлялся в *дэли* (халат красного цвета) и маске коричневого цвета. Производил впечатление персонажа высокого “ханского звания”, исполненного чувства собственного достоинства, подчеркнута спокойного на вид (*Нацов 1995: 72–73*). По свидетельству Р.З. Зундуева, хорошо знавшего историю Санагинского дацана, во время танцевальной мистерии *цам* Хормусту – “хозяина” горы Хормуста-уула называли буддийским именем Цэдэб Балвар. Его сопровождали четыре богатыря-телохранителя, облаченные в доспехи. Размахивая копьями, они исполняли стремительный воинственный танец (Там же).

Как видим, шаманское божество Хормуста, – глава западных 55 светлых небожителей – бурятской мифологии и эпоса “Гэсэр”, в закаменских горах приобрел черты персонажа буддийской религии. Эта метаморфоза не единична. То же самое произошло и с некоторыми другими добуддийскими божествами бурят и монголов, которые были также адаптированы буддизмом. Примером могут служить Сагаан Убгэн – покровитель долголетия, богатства и семейного благополучия, Даян Дээрхи – знаменитый волхв древности, патрон шаманских инициаций, чья “резиденция” находится в Прихубсугулье, в этнокультурном отношении тесно связанном с Закамной и в целом с присаянским (хонгодорским) регионом.

Имя Хормусты носит еще один природный культовый объект – гора Хормустахан (в местном произношении – Хурмаста-хан), расположенная на юге Бурятии, в Селенгинском районе в местности Ноехон, в тридцати с лишним километрах от местного административного центра – Зурган Дэбээ. Мне пришлось неоднократно слышать о существовании горы с таким притягательным названием от моих тамошних знакомых, пока не представился случай в августе 2000 г. посетить ее в составе международной комплексной экспедиции, исследовавшей трансформацию кочевых культур Центральной Азии и состоявшей из ученых Внутренней Монголии (Китай), Монголии и Бурятии (Россия). Для зарубежных участников название горы Хормустахан также представляло большой интерес, так как на территории их стран подобный ороним не встречается.

Ноехонские старожилы и теперь почитают гору Хормустахан. Согласно легенде, на ее вершину спустился с неба сам Хормуста как *буумал хаан*, досл. “спутившийся (с неба) хан”. Поэтому и гора также считается небесной (*тэнгэрийн уула*). Хормустахан – глава самых больших *лусутов*, которые в бурятской мифологии отождествляются с духами вод. Им и посвящаются религиозные обряды – *лусуудын тахилга*.

Следует различать понятия *лус* (мн. число – *лусут*) и *луу*. Луу – дракон, который относится к верхнему миру и обладает функциями громовержца. В фольклорных сюжетах он нередко выступает как исполнитель воли Хормусты – уранического божества. По мнению Г.И. Михайлова (*Михайлов 1963: 77–78*), лусуты – сравнительно позднее явление в мифологии монгольских народов. Рост их популярности совпадает с возвышением Хормусты в качестве ведущего общемонгольского тэнгри-божества. Показательна медиаторская роль Хормусты как буумал-тэнгри и “хозяина” горы, с одной стороны, олицетворяющего собой бога-громовержца, ниспосылающего небесный дождь, а с другой стороны, связанного с лусутами, тяготеющими к нижнему миру.

Вера в связь Хормусты с водной стихией основывается еще и на том, что у подножья горы Хормустахан находятся два родника, которые, по местным поверьям, служат местопребыванием лусутов. Это может показаться мистикой, но, как подтверждают очевидцы, всякий раз, когда местные жители поднимаются на гору для свершения обряда, тут же начинается дождь. То же самое произошло и во время нашего

подъема на вершину Хормуста-хана: неожиданно подул ветер, налетели тучи и тут же слегка задождило.

Гора Хормуста-хан выделяется на фоне местного ландшафта лысой куполообразной вершиной. Подняться на нее не представляет особого труда. На макушке горы находится *обо* – сложенная пирамидкой куча жертвенных камней. Эта пирамидка увенчана большой высохшей веткой, к которой привязаны ритуальные полотнища – *хию морин*. Перед *обо* установлена деревянная подставка для предметов религиозно-го культа и жертвоприношений.

Наши информанты – две пожилые женщины, уроженки Ноехона Ц.Б. Васильева и Н.-Д.Б. Биликтуева совершили для участников нашей экспедиции обряд поклонения Хормуста-хану. Расположившись перед *обо*, они зажгли *хужэ* – благовонные курительные палочки, затем, воздев руки над головой и прикладывая сложенные ладони ко лбу и груди, опустили их на колени и легли на землю навтытяжку. Этот молитвенный ритуал повторили несколько раз. Потом обошли *обо* по движению солнца, брызгая по сторонам молоком. Из тарелки, наполненной жертвенной пищей (конфеты, печенье и т.п.), каждому из присутствующих выделили некоторую долю. Держа свою долю в сложенных ладонях и совершая руками кругообразное движение по солнцу (по часовой стрелке), вслед за двумя женщинами, произносящими слова молитвы, обращенные к *сахюусанам* – хранителям веры с традиционным *ом-ма-ни-пад-мэ-хум*, они сообщая три раза повторили хором: “Ай хурай”. В завершение обряда каждый должен был отвратить свою долю жертвенной пищи (ПМА 4).

В прежние времена *лусуудын* (в местном произношении – *лосодын*) *тахилга* – обряд поклонения лусутам или испрашивания дождя – совершали по шаманистским правилам (*харын мургэл*). Обязательными были жертвоприношение овцой (*тоолэй табидаг байгаа*), “брызганье” водкой (ПМА 5).

Божественная функция Хормусты – способность к оплодотворению матери-земли небесной влагой – нашла отражение в старинной южнобурятской песне, вероятно, обрядового происхождения:

Хурмастал тэнгэрийн тэлэрэмсээр
Харинал бэээ даа бороонинь.
Халуун наранай мандалсаар
Халуурнал бэээ даа ногоонинь.

С пробуждением Хормуста-тэнгри,
должно быть, вернется (пора) дождей.
С восходом горячего солнца,
должно быть, (начнут) переливаться
травы (Ашабагад 1999. 20 мая).

Начиная с 1992 г. ламы (*амбайнар* – на ноехонском диалекте) из соседнего дацана Балдан-Брэйбун ежегодно проводят этот обряд по буддийскому образцу, читают молитвенные тексты. Подношение – жертвенная снедь (*далга*) состоит в основном из белой пищи – молока (*суу*), масла (*тосо*), сушеного (*ээзгэй*) и спрессованного творога (*хуруут*). По-бурятски обряд называется *сагаан эдээгээр тахидаг* (“совершать жертвоприношение белой пищей”). Время проведения обряда поклонения Хормуста-хану осталось неизменным – первая половина июня. Принимают в нем участие жители окрестных мест. Они молятся “хозяину” этой горы – Хормуста-хану, буддийским божествам-покровителям (*сахюусан*), вывешивают *хию морин* – небольшой флаг с текстами молитв и изображением коня. За несколько дней до восхождения на гору людям, принимающим участие в обряде, следует, согласно настояниям лам, отказать от употребления мяса и горячительных напитков.

Гора Хормуста-хан входит в систему пяти священных гор южной Бурятии, являясь как бы их географическим центром: Бурун-хан² (находится на западе от Хормуста-хана, на границе Селенгинского и Джидинского районов), Дэлгэр-хан (на севере от Хормуста-хана, территория Ноехона), Хугтэй-хан (на юго-востоке, в местности Алтай Кяхтинского р-на), Хумун-хан (на юге, в местности Мурочи Кяхтинского

р-на). По словам информантов эти пять гор “смотрят друг на друга” (*бэе бэеэ хараад байдаг*) (ПМА 6).

Характерно, что все пять названных гор имеют постпозитив хан (хаан), обычно относящийся к священным горам, на которых совершались религиозные обряды “задаривания духов природы”. Отсюда можно предположить, что слово хан (хаан) у древних монголов означало “дух-хранитель” рода или жителей данной местности. Оно могло также означать и “главный шаман – предводитель рода” (*Пэрлээ* 1956: 8–9). Применительно к горе Хормуста-хан можно сказать, что в данном случае наблюдается совмещение культа неба с культом предков в семантике одного оронима. Обращает на себя внимание и микротопонимика Ноехона, которая почти целиком имеет монгольское происхождение (*Будаев* 1976: 175). Это свидетельствует в пользу того, что Ноехон издавна входил в ареал монголоязычного мира, и неслучайно его этническое лицо определяют роды – выходцы из Тушету-хановского аймака Монголии, переселившиеся сюда в конце XVII в. и относящиеся к этнической группе южных бурят, известных под названием цонголы (*Цыдендамбаев* 1972: 238). Вполне вероятно, что к приходу в Ноехон они были знакомы с буддизмом и в определенной степени придерживались нового для монгольских племен вероучения, распространившегося в Монголии в XVI–XVII вв.

Буддизм, как известно, использовал в своих интересах и элементы предшествовавшей ему исконной веры степных кочевников – шаманизма, прежде всего такую устойчивую традицию, как поклонение “духам природы”, связанное с культом гор, земли и неба. Следует иметь в виду, что и на территории Халхи, несмотря на гегемонию буддизма, еще долго сохранялись добуддийские верования. Эта “живая старина” была отмечена Б.Я. Владимирцовым, совершившим экспедицию в Монголию в начале прошлого столетия. Так, согласно его записям, в мифологии современного монгольского шаманизма по-прежнему “довольно хорошо очерченной фигурой” является Хан Хормуста тэнгэр – Царственный Хормуста тэнгри, который олицетворяет собой небо и вместе с тем считается богом неба (*Владимирцов* 1927: 22).

Таким образом, в обоих культах – горы Хормуста в Санаге (Закаменский р-н) и Ноехоне (Селенгинский р-н) – прослеживается контаминация образа верховного божества шаманской мифологии Хормусты с культом гор, характерным для бурятской сакральной традиции. Ощутимо влияние буддизма на обрядовую сторону данного культа. Следует также отметить, что закаменский и селенгинский культы горы Хормусты существуют автономно друг от друга. Первый относится к региону, в этнокультурном отношении связанному с Саяно-Приангарьем и Западной Монголией. Населяющие эту территорию хонгодоры и близкие им родо-племенные группы в значительной степени сохранили добуддийские верования. В культурно-историческом пространстве они же являются основными носителями устной (унгинской) версии Гэсэриады, содержащей многие элементы народной мифологии, в т.ч. представления об ураническом пантеоне предков бурят-монголов (*Дугаров* 2004: 11–29). Все это в совокупности не могло не повлиять на особенности культа Хормусты в закаменских горах.

Что касается Ноехона и южной Бурятии в целом, то здесь буддийский фактор имеет более давнюю историю и напрямую связан с распространением буддизма в Бурятии многочисленными монгольскими переселенцами из Халха-Монголии, составившими значительную часть селенгинских бурят. Именно они принесли с собой культ Хормусты, чье имя закрепилось за одной из священных гор в Ноехоне, а ее почитание приобрело черты ламаизированного культа обо, типичного для восточнобурятской традиционной культовой обрядности. Вместе с тем существование культа Хормусты в форме почитания “хозяев” священных гор у закаменских и селенгинских бурят представляет примечательное явление, учитывая центральноазиатский характер божества Хормусты.

Примечания

¹ По рассказам санагинских бурят, “хозяин” горы Хормуста изредка является людям в виде всадника на коне. Существуют очевидцы, подтверждающие это “божественное” видение. Аналогичный пример приводит Л.Л. Абаева (Абаева 1991: 79) относительно “хозяина” Буриин-хана – одной из священных гор южной Бурятии. Он также представляется в образе мужчины, восседающего на коне светлой масти. Одет в коричневые одежды, на голове – островерхая шапка. В руках держит лук и стрелы. Всадником на белом коне видится и Хан Шаргай-нойон. Таким его образ запечатлен на современной картине, находящейся в бунхане на месте поклонения этому именитому хату, недалеко от с. Хойтогол Тункинского района Бурятии.

² Автору этих строк довелось присутствовать летом 2002 г. при проведении буддистского молебна на вершине горы Буриин-хан. Она считается одной из наиболее известных и почитаемых гор в Бурятии. В прежнее время на вершине Буриин-хана располагалось общее обо пяти дацанов селенгинских и джидинских бурят (хатагинов, атаганов, сартулов и табангутов) (Герасимова 1999: 136). В настоящее время отправление культа обо в ламаистском варианте успешно возрождается. Читаются обрядовые тексты (“Намдаг сан”), посвященные “хозяевам” земли-воды и местностей (газар унанай эжэд сабдаг), а также два небольших по объему обрядовых текста на тибетском языке (“Буриин-хан” и “Сан сэргэм”). Первый из них, обращенный непосредственно к “хозяину” горы Буриин-хан, сочинен в свое время местными ламами. Хотя ритуальная часть обряда полностью ламаизирована, тем не менее она не обходится без жертвоприношения бараном, в чем нетрудно усмотреть связь с прежней шаманистской традицией. Остатки жертвенного барана и *далга* (жертвенной снеди), называемые *доожо*, уносят обратно, чтобы попочтчевать ими людей, оставшихся у подножия Буриин-хана.

Источники и литература

- Абаева 1991 – Абаева Л.Л. Культ гор и буддизм в Бурятии. М., 1991.
- Ашабагад 1999 – Ашабагад угтанай дуунууднаа (Из песен бурят ашабагадского рода) // Буряад Унэн. 1999, 20 мая.
- Будаев 1976 – Будаев Ц.Б. О некоторых топонимах Ноехона // Ономастика Бурятии. Вып. 26. Улан-Удэ, 1976.
- Владимирцов 1927 – Владимирцов Б.Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах. Л., 1927.
- Галданова 1992 – Галданова Г.Р. Закаменские буряты. Новосибирск, 1992.
- Герасимова 1999 – Герасимова К.М. Обряды защиты жизни в буддизме Центральной Азии. Улан-Удэ, 1999.
- Дугаров 2004 – Дугаров Б.С. К генезису унгинской версии Гэсэриады: хонгодорский фактор // Хонгодоры в этнической истории монгольских народов. Улан-Удэ, 2004.
- Жуковская 2000 – Жуковская Н.Л. Мир традиционной монгольской культуры // The Edwin Mellen Press. Lewiston, Queenston, Lampeter, 2000.
- Лыгденов 1995 – Лыгденов Д.Д. Тунхэнэй “Гэсэрье” туурээгшэ // Ульгэршэн Майсан Алсыев / Сост. В.Ш. Гунгаров, Б.С. Дугаров. Улан-Удэ, 1995.
- Манжигеев 1978 – Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М., 1978.
- Михайлов 1963 – Михайлов Г.И. Луу и лус в произведениях героического эпоса монгольских народов // Литературоведение, фольклористика и изучение памятников. М., 1963. (Кр. общ. Ин-та народов Азии АН СССР. Т. 63).
- Нацов 1995 – Нацов Г.-Д. Материалы по истории и культуре бурят. Улан-Удэ, 1995.
- Неклюдов 1984 – Неклюдов С.Ю. Героический эпос монгольских народов. М., 1984.
- ПМА 1 – Информант Р.Д. Зундуев, старожил Санагинской долины // Полевые материалы автора. С. Санага, Закаменского р-на. 2001 г.
- ПМА 2 – С. Санага, Закаменский р-н Бурятии. 2001.
- ПМА 3 – Информанты Д.Д. Дондукова (1915 г. р.) и Ц.Б. Васильева (1925 г. р.) из рода хорчид // Полевые материалы автора. 2000 г.
- ПМА 4 – Полевые материалы автора. С. Зурган Дэбээ. Селенгинский р-н Бурятии. 2000 г.
- ПМА 5 – Полевые материалы автора. С. Зурган Дэбээ. Селенгинский р-н Бурятии. 2000 г.
- Пэрлээ 1956 – Пэрлээ Х. Монголын нийгэмлэгийн эртний хэдэн нэр томъёоны тухай. Улаанбаатар, 1956.

- Серошевский* 1993 – *Серошевский В.Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. М., 1993.
- Уржанов* 1970 – *Уржанов А.Д.* Об одном санагинском списке “Сэржэма” Буха-нойону на тибетском языке // *Материалы по истории и филологии Центральной Азии.* Вып. 4. Улан-Удэ, 1970.
- Цыдендамбаев* 1972 – *Цыдендамбаев Ц.Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972.

B.S. D u g a r o v. The Khormusta Mountain Cult in Buryatia

People in Zakamensk and Selenginsk districts of the Buryat Republic honour mountains, the names of which are connected to Khormusta, the supreme deity of the Shamanist pantheon in the mythology of peoples of Mongolia. The author holds that this fact may be considered as proving that the cult of that deity was widespread in the past, and argues that the cult grew intermixed with the Shamanist-Lamaist tradition of oboo. It is suggested that Khormusta is viewed as buumal tengri, a celestial deity that became the owner of the mountain and therefore came to protect the people honouring it. The article is based on the author's fieldwork materials collected in 2000–2001.